

Кармен, не знающая страсти

Явление питерской дивы Москве

В дальнем конце узкой, как барачный коридор, консерваторской столовой сидел Юрий Башмет с директором своего фонда. Перед ними — стена телевизионщиков с камерами. К плечам телевизионщиков в надежде хоть что-то увидеть-услышать припадала горстка журналистов. Позади кипело возмущение пишущей братии, не успевшей занять выгодные позиции, а сверх того обнаружившей, что устраиваться им на аншлаговом концерте в БЗК придется как Бог послал (дополнительный журналистский ряд, “посланный” башметовским Фондом, в последний момент с благословения того же фонда ушел налево). Что же до самой героини вечера, то ее явление прессе было столь мимолетно, что исключало сколько-нибудь серьезный разговор. А потому — не проси, дорогой читатель, не расскажу я тебе, ни как работается с Ливайном красавице Бородиной, ни какие новые лавры увенчали голову гениального Башмета. Пресс-конференция по случаю награждения петербургской певицы премией имени Шостаковича (учрежденной шесть лет назад Международным благотворительным фондом Юрия Башмета) провалилась. Что, разумеется, в контексте самого концерта — лишь пустяковый кикс, совсем как то смачное сморканье в зале посреди звенящей паузы в леденевских “Метаморфозах темы База”. Пауза была опошлена — но не произведение с его прозрачно-вязкой печалью. Поэтому к делу.

Играет Башмет в концертах лауреатов своего фонда традиционно (в смысле — “всегда”). На этот раз исполнение им и “Солистами Москвы” “Метаморфоз” Романа Леденева и “Прелюдии и скерцо” ор. 11 Дмитрия Шостаковича музыкант сопроводил галантным: “Сегодня мы здесь затем, чтобы показать: голос — все равно лучший инструмент”. В отношении почти любой другой певицы это выглядело б не больше, чем реверанс, в отношении Ольги Бородиной — чистая правда. Ее меццо такой красоты, что, пой она просто гаммы, эстетическое удовольствие было бы гарантировано и тогда. Ее мастерство такой пробы, что сбои вроде пары нечистых нот или одной смазанной фразы не играют никакой роли. Зато играет роль, да еще какую, ее

природный темперамент, который, судя по всему, можно классифицировать как флегматичный. (Кто забыл — бурное проявление чувств для этого типа — что львиный рык для кошки. Не дано. Даны леность реакций и способность держать себя в руках при любых обстоятельствах).

С этой-то температурой — тридцать шесть и шесть — Бородина взялась за программу, в которой почти все если не чувственность, то горячность: шостаковичевский цикл Испанские песни, две миниатюры де Фальи, Сегидилья Бизе. Продолжи певица логический ряд: Испания по-русски — Испания по-испански — Испания по-французски, быть бы ее программе образцом рафинированности. Но она “пришпилила” к редкому по стройности и оригинальности сооружению цветочек — свою непреходящую любовь Далилу, потом бантик — Принцессу Буайонскую из последнего увлечения — “Адриенны Лекуверер”... Вкусового криминала не случилось, но изящество целого пострадало — хотя изящества частностей в описываемом концерте еще было в достатке. Таким получился дуэт певицы с аккомпаниатором Дмитрием Ефимовым. Таким же — третья Ария Далилы, припасенная под занавес. И было почему. Шлягер шлягеров явился в новой одежде, то есть в переложении Александра Чайковского для камерного оркестра. Конкретнее — для “Солистов Москвы” во главе с Башметом в качестве дирижера и альтиста (есть в переложении для него маленькое соло). И когда к ним присоединилась Ольга Бородина со своей леностью реакций, со своей способностью держать эмоции в узде, со своими, наконец, мягчайшими *mezza-voce* и обволакивающими *piano*, могучая ария приобрела такую акварельность красок и интимность тона, что не узнать. Впрочем, все персонажи бородинской программы по причине темперамента певицы как стилеобразующей категории были такими, какими их никто не ждал. А что публика? Если и не примет она ее Кармен или де Фалью, так падет перед красотой ее голоса. Все одно — Бородина обречена на победу.

Лариса ДОЛГАЧЕВА